

Юрий СВЕРЧИНСКИЙ (г.Волгодонск Ростовской обл.) **ПАРС**

По средам и субботам парс возвращался домой. В некий промежуток времени, когда очередной из них порядком надоевший день почти угасал, а вечер ещё не начинался, из глубин горизонта, обозначенного нестройным частоколом чадящих труб, на разбитую бетонку Малотоннажной выворачивал его автобус.

Маленький, по-хорошему давно уже отходивший свой век.

Жёлтый, с чёрными окнами.

На прямой как стрела и некогда весьма оживлённой магистрали он поначалу казался крохотной, временами исчезающей точкой. Может быть, он и впрямь пропадал там неизвестно куда, по-настоящему проявляясь уже только у стелы автозаправочной станции в районе съезда на объездную дорогу. В любом случае оттуда на тёмном фоне пристроившейся вдоль обочины лесополосы начинал проступать его цвет, странный всё-таки для серых окраин.

Шутовской балаганчик на колёсах или что-то ещё?

Сразу и не понять

Не понять, пока он, свернув на Второй Котельный, чтобы в последний раз пропасть из виду в замусоренной низине с мазутно прочерченной насыпью железнодорожного полотна, вновь не покажется на подъёме, представая во всей красе.

Порывающийся старым движком, с покатым, не единожды крашенным поперек кое-как склёпанных листов металла насупленным лбом и впалыми глазницами плоских, подслеповато непроницаемых стёкол. На табличке, белесо проступающей за левым из них, если поджидать автобус на остановке, значилось кажется слово «асбест», но это не точно, так как никто это вроде бы тут и не пытался прочесть.

Балаганчик или что-то от катафалка и останавливался-то, собственно, прилично миновал остановку. Не навязываясь. С тем, наверное, намерением, чтобы уж наверняка никто не ошибся.

И случайно не подошёл.

Проезжал, притормаживал, и секунду-другую просто стоял в стороне.

Мелочь, кажется, а всё-таки...

Ну, отчего бы сразу же не открыть дверь? Это ведь даже как-то странно.

Привлекает внимание.

А ещё и этот неприятный какой-то дымок.

Из выхлопной трубы.

Коричневый.

Поднимается вверх. Клубясь, и ещё более затеняя и без того закопченный номер.

Два семь три...

Отчего-то заставляя запомнить.

Потом писклявый скрип и...

Чернильная как дёготь полоса. Это съехала задняя дверь. Наконец-то!

Таких сейчас не бывает, чтобы гармошкой.

Анахронизм.

Анахронизм и эта кепочка поверх «украшенного» по вискам узловатыми венами, почти голого черепа.

Парс.

Это ведь он был?

Вот только что?

С чуть приоткрытым ртом и заострённым как у птицы носом.

Он.

По средам и субботам парс неудержим. Что бы там ни было внутри, и что бы ни рвалось где-нибудь в сокровенных глубинах на части.

А нос...

Стал у него и впрямь похож на птичий.

Не молод.

С возрастом не все прибавляют в теле, а тут ещё и конституция.

Может быть даже и птичья, но... окрестные вороны уж точно его как собрата не любили.

Не там он ходил.

Не теми путями, где ходят обычно, а по отмошкам, вдоль окон. Там, куда с балконов и форточек бросается иногда невесть что.

Даже презервативы.

Натыкаясь на них он несколько замирал, в чём-то изменяясь лицом, и даже останавливался порой, пробегая глазами всю этажерку окон над собой.

До самой крыши.

Зачем?

Едва ли бы он сам на это внятно ответил.

Зачем наступает день? Или ночь?

Вот именно! В любом случае то, что видится прямо по курсу, его интересует значительно больше.

Не хотелось бы ни с кем вот так вот тупо — «в лоб»...

Столкнуться взглядом.

Это, пожалуй, стоит даже повторить: ни с кем. Можно даже усилить. Словами, например — «и никогда», хотя...

Получится не точно, не с момента же рождения.

Всякие там «здравствуй, как дела?» и впрямь ведь с некоторых пор зачастую переходят в разряд определённой никчёмности, становясь по сути лишь оболочкой для явных или подспудных сравнений с самим собой, питая либо зависть, либо злорадство.

Встретившись подо льдом в поисках спасительной полыньи до этого ли будет?

Нет нужды и сейчас.

Уж лучше переждать где-нибудь в стороне.

Отвернувшись.

Пускай себе... сколько хотят.

В гулкой пустоте подъезда ему много комфортней.

Там стены.

И...

Лучше пешком, полнее чувствуешь пространство. Со всем, что где-то впереди и с тем, что сзади. Есть варианты: ускориться или замедлить ход.

Чуть затаиться.

Прислушаться.

Пускай пройдут.

И...

Ш-ш-шик. Проверка.

Ш-ш-ик, ш-ш-ик, ш-ш-ик....

Подошвами по клавишам ступенек.

Вступление к ноктюрну. Для пары ног.

По-своему может быть очень занятно, пронзительно даже — как свист. И паузы между ними...

Они... такие разные!

Возможно, но причём тут ноктюрн, «певучая, музыкальная пьеса, навеянная темой ночи»?

Парс, наклоняясь с изворотом головы, смотрит вверх, в просвет между перил.

Ещё этаж и...

Там, если не помешают, на грязно-сером простенке за углом вскорости появится «некая» странноватая тень.

Ненадолго.

Как если бы какая-то птица уселась с улицы на карниз узкого в этом закутке характерно приподнятого над полом окна.

А ещё в этом закуточке...

Массивная труба, идущая от пола до потолка. С набрюшником, это «клапан для мусора».

Да. Так называется.

Ну и что?

Не очень звучит или не слишком стерильно?

Последнее парс едва ли увидит.

Почти вслепую разрывая руками скользкий на ощупь пакетик, вынутый из кармана, он всегда просто смотрит в окно. И, опять же почти, улыбается.

Как сейчас...

Неважно выглядишь, старина!

Это бармен сегодня, из чебуречной.

Нормальный, в принципе, мужик...

Вспоминается чуть расплывшееся, с чёрной подковой усов над маслянисто-пухлыми губами, лицо. Они и впрямь давно знакомы.

Но разжирел...

Высыпанное в рот чуть пересолено и «несколько» суховато, а с другой стороны, каким ещё должен быть пищевой концентрат?

«Суп куриный» без цикломатов. Заварить кипятком.

Привкус мяса имеется.

Ну и ладно.

В нём ещё, кстати, сухарики и что-то...

Непонятное что.

Может, всё-таки пива?

Вспомнилось продолжение разговора.

Память глупа.

Во рту конечно не очень, и глоточек прямо сейчас, возможно, не помешал бы, хотя вкус пива он, кажется, напрочь забыл.

Но...

Перво-наперво, если ты «на порошках» вроде этого, нужно следить за дыханием, вдохнуть не вовремя — значит испортить всё, а во-вторых...

Во-вторых, это — деньги. Сначала — на карточку интранслятора, а уж потом...

А вот это — враньё. Он бы засунул в терминал даже мелочь.

Но...

Не принимает.

Неважно значит выгляжу?

Раньше ведь этот бармен был, кажется, официантом?

Был.

С тех пор так много всякого поизменялось.

Но разве выглядеть и быть — уже синонимы?

С каких это пор?

Шалишь, брат!

Пустой пакетик летит в зияющую рядом дыру, второй в кармане. Там же кальянная «шашечка» — топливо для спиртовки.

Чай ещё дома, кажется, есть.

Вот и всё, осталось две минуты.

Его, то есть парса, ещё в принципе можно задержать, рассмотреть как следует и даже о чём-то спросить. Если караулишь прямо сейчас — например у дверей. Когда же она защёлкнется, он её уже ни за что не откроет.

Ни-ко-му!

Лежащий с IP-катором (как и положено по инструкции — под язык и закрыть глаза) на некоем перекошенном полукресле из натянутого на трубчатый каркас потёртого и выцветшего брезента, он просто ничего уже не услышит.

Он только там.

Зелёный светодиод чуть трепещется в изголовье.

* * *

Ну, привет!

... кожа в лёгкую розовинку, словно некое молоко.

Чуть смешавшееся с перетёртой малиной. От этого оно не совсем уж и однородное по цвету.

Не белое даже, местами.

В полутонах.

Оно как что-то небесное, как вселенская пища для умирающего от истощенья, непостижимого, должно быть, и просто необъятно-желанного вкуса.

Такого, что жаль и попробовать.

Лучше потом.

Ал-лиса!

... неужели же всё это можно губами, эти твои шершавинки у сосков...

* * *

Не стоит напрасно звать и стучаться в дверь, деньги на карточке кончатся лишь к утру.

Впалые щёки, слюнной подтёк изо рта, едва заметное дыханье...

Это парс.

По средам и субботам.

Ну, а четверг?

Он придёт. Возможно.

Мутный как всегда. С переносимым в руках ночником, из розетки в розетку.

Ноль два «кэвэтэ», перетянутый изоляцией.

Лицо в его подсветке покажется в зеркале чьим-то чужим.

Кто это?

Испуганно встрепенётся некий комочек внутри, не сразу понимая, что там так хищно изломано, под чернотой глазниц...

Словно клюв.

Я?

Из тьмы какими-то фрагментами проступят руки...

Уродцами, рождёнными без глаз...

И нечто ощутится.

Касанием.

Что-то смещая в памяти невесть куда.

В какой-то внутренний гул.

Чай в закопчённой кружке, шаткая спиртовка, ворох рваных пакетиков.

Просто в углу.

Взгляд за окно.

Светает...

Протяжно выдохнется вдаль.

Где-то ведь... он уже катит.

Там.

Жёлтый с чёрными окнами.

Два семь три.